

НЕКРАСОВ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья С. Рейсера

1

Начиная в 1878 г. статью о литературных дебютах Некрасова, один из первых его биографов — В. П. Горленко отмечал, что «в тех попытках биографий Н. А. Некрасова, которые появились до сих пор, период 1838 — 1845, т. е. первых годов пребывания поэта в столице, признается самым темным в биографическом отношении»¹.

Через 36 лет следующий исследователь и биограф Некрасова — В. Е. Евгеньев-Максимов констатировал: «Биографические потемки, если можно так выразиться, окутывают целые периоды жизни знаменитого поэта. В особенности темными в биографическом отношении представляются первые 8—9 лет пребывания Некрасова в Петербурге, а между тем они падают как раз на тот возраст, когда определяются взгляды и убеждения, устанавливаются привычки и вкусы, одним словом, формируется человек»².

Через 32 года после того, как были написаны эти строки, мы не можем отметить сколько-нибудь значительного прогресса в изучении биографии Некрасова. Мы представляем себе, да и то, с рядом белых пятен, жизнь Некрасова со середины 40-х годов, но Некрасов первых лет жизни в Петербурге предстает нам в совершенном тумане.

Трудность изучения биографии раннего Некрасова усугубляется тем обстоятельством, что материал для изучения и выводов почти совершенно отсутствует. По крупицам надо собирать показания мемуаристов, большей частью сказанные не непосредственно о Некрасове, а, в той или иной связи, по поводу обстоятельств жизни тех лет, и сказанные притом много лет спустя. Неудивительно, что эти показания сплошь и рядом сбивчивы и противоречивы, а порою и вовсе недостоверны³.

Свидетельства самого Некрасова немногочисленны и почти все относятся к периоду предсмертной болезни. Воспоминания поэта фиксируют бывшее за три с лишним десятка лет до того, — и немудрено, что память ему во многом изменила, а кое в чем действовал и хорошо известный в психологии процесс вытеснения тяжелых или неприятных воспоминаний.

2

Один из первых неясных вопросов, возникающих при изучении биографии молодого Некрасова, — вопрос о годе приезда поэта в Петербург. Впрочем, этот вопрос решается сравнительно просто, и если он запутан, то лишь благодаря домыслам невнимательных биографов.

Некрасов приехал в Петербург в 1838 г. Эта дата, в числе прочих, неоднократно указывалась им самим и подтверждается записями дневника Н. А. Полевого. Этот важный документ обычно не учитывается в литературе о Некрасове: мимо него прошел даже последний по времени биограф поэта — Н. С. Ашукин в своей «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» (1935).

Между тем, в опубликованном в «Историческом Вестнике» еще в 1888 г. (№ 3, 669—673) дневнике Н. А. Полевого зафиксирован ряд посещений Некрасова.

Первая запись 3 октября 1838 г. гласит: «Вечером был Фермор и юноша Некрасов»; 17 октября — «Вечером юноша Некрасов»; в записи от 30 октября Некрасов впервые именуется поэтом: «Вечером поэт Некрасов с Фермором». Далее Некрасов упоминается еще в записях 2 и 15 декабря.

В № 5 «Сына Отечества» за 1838 г. (ценз. разр. 25 сентября) впервые появилось в печати стихотворение Некрасова «Мысль» со следующим примечанием редактора: «Первый опыт 16-летнего юного поэта».

Во всяком случае, в начале октября 1838 г. Некрасов уже был в Петербурге; у нас нет оснований не доверять записи Некрасова, указывающей и месяц приезда — июль. Эту дату подтверждает и уточняет А. А. Буткевич, называя 20-е число.

Дневник Н. А. Полевого опубликован за 1838—1845 гг. Однако в 1837 г. Некрасов в Петербурге еще не мог быть: в этом году он значится живущим у отца.

18 июля 1838 г., т. е. за два дня до отъезда Некрасова в Петербург, А. С. Некрасов подал прошение о выдаче его сыну свидетельства об обучении в гимназии: он взят домой якобы по болезни, а по выздоровлении будет определен в Дворянский полк.

3

Некрасов фактически оставил гимназию, вероятно, еще осенью 1836 г., хотя продолжал числиться в ней до июля 1837 г.⁴, — весной 1836 г. он был оставлен на второй год в пятом классе.

Уже по одному этому ясно, что успехи его в гимназии не были сколь-нибудь значительны: данные гимназического архива, опубликованные, в свое время, П. В. и В. Е. Евгеньевым-Максимовым, свидетельствуют, что Некрасов был далеко не в числе первых учеников⁵.

Впрочем, самую яркую характеристику своих гимназических лет дал сам Некрасов в письме к филологу-классику Б. И. Ордынскому.

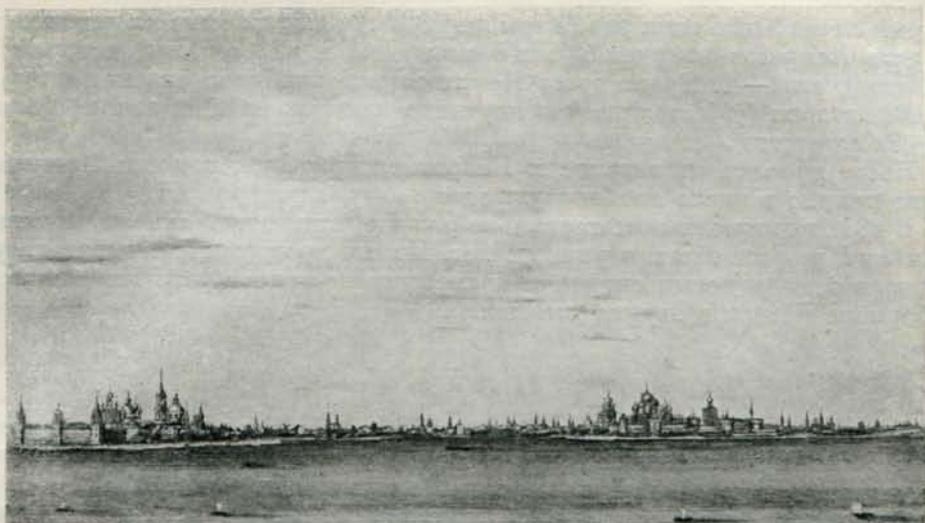
Ордынский, школьный однокашник Некрасова, напомнил однажды в письме к нему об их совместном пребывании в Ярославской гимназии, и Некрасов ответил ему на это: «Весьма вероятно, что обучались мы в Ярославской гимназии вместе. Впрочем, я собственно предпочитал проводить классное время в попутном цареградском трактире, в игре на бильярде, поэтому и не помню моих товарищей тогдашних»⁶.

Таков был образовательный ценз будущего поэта, когда в июле 1838 г., — никому неизвестный, без всяких связей и почти без денег, — он поехал в Петербург — город, где ему было суждено прожить последующие 40 лет жизни.

4

Существует два основных и не очень отличных друг от друга варианта рассказа самого Некрасова об истории его отъезда в столицу и попытке стать студентом С.-Петербургского университета.

Первый вариант находится в автобиографической записи Некрасова от 7 июня 1872 г. в тетради М. И. Семевского; второй, более распространенный, — в авторизованном биографическом рассказе, записанном М. М. Стасюлевичем в начале 1877 г. со слов Некрасова. Оба документа, как и все остальные свидетельства самого поэта или непосредственно идущие от него, напечатаны в этом же томе, что избавляет меня от необходимости повторять здесь соответствующие тексты (см. выше публикацию «Автобиографии Некрасова» и в ней: стр. 148—149, 162—164 и 188—189).

ВИД г. ЯРОСЛАВЛЯ

Аварель неизвестного художника, 1830-е гг.

Исторический музей, Москва

Первый биограф Некрасова — А. М. Скабичевский писал свою работу о Некрасове, пользуясь данными его архива и указаниями сестры поэта — А. А. Буткевич. В согласии с рассказом Некрасова Скабичевский указывал, что «в первые дни по прибытии в Петербург Некрасов не покидал еще намерения поступить в Дворянский полк... и дело было почти решено. Но случайная встреча с ярославским товарищем, студентом Андреем Глушицким, перерешила всю судьбу юноши. Глушицкий вместе с двумя другими студентами, Ильенковым и Коссовым... начали отговаривать Некрасова от поступления в корпус и развивать перед ним все преимущества университетского образования и так увлекли его, что Некрасов решился во что бы то ни стало идти в Университет»⁷.

Это место статьи Скабичевского вызвало в свое время возражение Н. Г. Чернышевского, который сообщил, что поступление в университет отнюдь не было результатом случайной встречи, а было целью поездки Некрасова в Петербург: «Мать хотела, чтобы он был образованным человеком, и говорила ему, что он должен поступить в университет, потому что образованность приобретается в университете, а не в специальных школах»⁸.

Все дошедшие до нас рассказы самого Некрасова о его университетских годах, а также свидетельства Скабичевского и Чернышевского можно резюмировать, несмотря на противоречивость отдельных деталей, следующим образом.

В июле 1838 г. Некрасов приезжает в Петербург, чтобы по желанию отца поступить в Дворянский полк. Поездка в Петербург вполне соответствовала желанию самого Некрасова, предполагавшего реализовать в Петербурге свои поэтические планы и желавшего продолжить свое образование (тут сыграло роль и влияние любимой матери).

Вскоре по приезде в Петербург Некрасов отбросил мысль о военной карьере; этому способствовали встречи с ярославскими товарищами А. Глушицким, Ильенковым и Коссовым. Случайное знакомство с Д. П. Успенским⁹, поселившим у себя молодого поэта, способствовало решению стать студентом университета. Эта попытка, по рассказу Некрасова,

имела место лишь один раз (в том же 1838 г.); на экзамене из латинского языка Некрасов получил 5 (или 5 с плюсом) и из всеобщей истории (у Касторского) — 1. Кроме того, Некрасов успешно сдал экзамен из русской истории (у Устрялова) и неудачно сдал экзамен из закона божия (у Райковского).

После провала на экзаменах Некрасов, благодаря помощи Плетнева, был принят в число вольнослушателей.

В 1841 г., лишенный материальной поддержки отца, сильно нуждавшийся Некрасов оставил университет. По его воспоминаниям, известную роль в этом решении сыграл и насмешливый отзыв проф. Никитенко о сборнике «Мечты и Звуки» (см. ниже).

5

Работая в 1938 г. над биографией молодого Некрасова, я для проверки и уточнения изложенных выше сведений обратился к архиву С.-Петербургского университета (ныне фонд № 14 Лен. обл. ист. архива).

Эти поиски дали совершенно неожиданные по ценности материалы и позволили существенно уточнить все имевшиеся в литературе данные и установить ряд новых. Многие детали были прочно забыты поэтом за тридцать с лишним лет последующей жизни и оставались неизвестными биографам. При этих розысках мне посчастливилось найти три новых автографа Некрасова, едва ли не самые ранние из всех сохранившихся в наследии поэта. Соответствующая часть рассказов самого Некрасова и последующие неуверенные и противоречивые комментарии некрасоведов впредь уже не могут служить источником для биографии поэта. Возможность новых архивных находок, конечно, не исключается, но они могут дать только дополнительные подробности¹⁰.

В результате просмотра нескольких десятков дел я натолкнулся на «Дело правления имп. С.-Петербургского Университета о выбывших студентах С.-Петербургского Университета до окончания курса наук» (1839 г., арх. № 6010).

На 50-м листе этого дела нашлось следующее заявление Некрасова:

Его Высочородию Господину Ректору
Императорского Санкт-Петербургского Университета,
Статскому Советнику Кавалеру Ивану Петровичу Шульгину

Дворянина Николая Алексева сына Некрасова

Покорнейшее прошение

Желая вступить в число своекоштных студентов Императорского Санкт-Петербургского Университета по факультету Восточных языков, для продолжения своего образования, и представляя вследствие того при сем документы мои о Рождении и Крещении и о Дворянстве, покорнейше прошу Ваше Высочордие дозволить мне держать приемный в Санкт-Петербургский Университет экзамен и, по выдержании мною оного, допустить меня к слушанию Профессорских лекций.

К сему прошению дворянин Николай Алексеев сын Некрасов руку приложил.

Июля 14-го дня
1839 года. С. П. Б.

Жительство мое: Рождественской части 6-го квартала у Малоохтенского перевоза в доме купца Трофимова¹¹.

Итак, в 1839 г. Некрасов пытался поступить на факультет восточных языков.

К экзаменам Некрасов, как это видно из другого найденного мною дела, был допущен. В «Деле совета имп. С.-Петербургского Университета о приемном экзамене в студенты в 1839 году» (арх. № 4339, св. 44) сохранились данные о полученных Некрасовым отметках. Они были в 1920 г., видимо, по какому-то иному источнику, частично опубликованы В. Е. Евгеньевым-Максимовым¹². Привожу их полностью по разысканному мною делу: 25 или 27 июля 1839 г. Некрасов экзаменовался в так называемой второй комиссии (по наукам историческим и словесным) и получил:

По закону божиему, церковной истории и катехизису	1	(у А. И. Райковского) ¹³
» географии и статистике	1	(у В. С. Порошина)
» всемирной истории	1	(у М. М. Касторского)
» русской истории	1	(у Н. Г. Устрялова)
» русской словесности	3	(у П. А. Плетнева)

Первый же день экзаменов показал слабую подготовленность Некрасова и безнадежность дальнейших попыток. Предстояли еще испытания в первой комиссии (по древним и новейшим языкам) и в третьей (по наукам физическим и математическим), но четыре единицы заранее обрекали на неудачу попытки поступления в университет. Свидетельства об окончании гимназического курса Некрасов не представил, в первый же день экзаменов он получил больше двух разрешенных уставом единиц, притом одну из них — особенно неприятную — по закону божью: по этому предмету отметка не могла быть ниже тройки¹⁴. Поэтому на дальнейшие экзамены Некрасов вовсе не явился (в черновой ведомости карандашная пометка: «отказ^(ался)»), и постановление приемной комиссии гласило: «не принимается».

Любопытны некоторые детали: в ведомости есть графа «возраст»; Некрасов указал «18 лет», т. е. датой своего рождения он считал 1821 год.

ЯРОСЛАВСКАЯ ГИМНАЗИЯ

С фотографии 1880-х гг.

Частное собрание, Москва

На вопрос «Где обучался?» Некрасов ответил: «Дома». Таким образом, он предпочел скрыть факт своего пребывания в Ярославской гимназии. Естественно предположить, что, имея какое-либо подходящее свидетельство об образовании, он не преминул бы приложить его для усиления своей позиции. В заявлении ректору тоже упоминаются лишь документы о рождении и дворянстве¹⁵.

Одновременно с Некрасовым экзаменовались и были приняты среди прочих 70 с лишним кандидатов следующие воспитанники Ярославской гимназии:

	Общая сумма баллов	Средний балл
Андрей Глушицкий	30.0	3.0
Юлий Пальмин	31.0	3.1
Аркадий Покровский	32.0	2 ¹⁰ / ₁₁
Павел Ильенков	35.0	3.5
Идельфонс Коссов	Сведений нет	

П. А. Ильенков (1819—1877) и И. К. Коссов (1822—1890) — впоследствии видные профессора химии и технологии; первый из них в 1848—1850 гг. активно сотрудничал в «Современнике» Некрасова. Андрей Глушицкий окончил II (физ.-матем.) отделение философского факультета в 1842 г., но дальнейшая судьба его неизвестна¹⁶.

О Покровском и Пальмине также никаких сведений нет.

Стоит еще отметить такие знакомые нам имена поступавших одновременно с Некрасовым: Владимир Апол. Солоницын (общая сумма баллов 25.0, средний балл 2.5), Валериан Майков — (34.0 и 3.4) и Михаил Лонгинов — (37.0 и 3.7).

6

Неудача не обескуражила Некрасова, и он решает поступить в университет вольнослушателем с тем, чтобы впоследствии снова держать вступительные экзамены¹⁷. На этот раз Некрасов предпринимает попытку попасть не на факультет восточных языков, а на философское отделение. Предшествовала ли этому решению беседа с Плетневым, — сказать трудно, но если и имела место, то отнюдь не как с ректором университета: Плетнев в это время ректором не был, — он стал им лишь с февраля 1840 г.¹⁸

Напомню, что университетский устав 1835 г. ставил вольнослушателей, в известной степени, в более благоприятное положение, чем студентов. Они могли держать не только переходные экзамены наравне со студентами, но и выпускные, и даже защищать диссертации на ученые степени, вовсе не имея среднего образования. С другой стороны, положение Некрасова, как «нищего дворянина», давало ему шансы — при удаче на приемных экзаменах — попасть в число 20-ти «казеннокоштных» студентов университета¹⁹. А. Глушицкому, державшему экзамены вместе с Некрасовым, как видно из архивных документов, это удалось в том же 1839 г. Следовательно, после провала на приемных экзаменах в 1839 г., Некрасову следовало поступить вольнослушателем, держать в 1840 г. переходные экзамены с I на II курс и осенью этого же года — вновь приемные. При удаче он сразу стал бы казеннокоштным студентом II курса. Но, и оставаясь вольнослушателем, он мог получить законченное высшее образование, не заботясь о приемном экзамене.

Так или иначе, 4 сентября 1839 г. Некрасов подал следующее заявление (арх. № 6010/1466):

Его Высочородию Господину Ректору
Императорского Санкт-Петербургского Университета
Ординарному Профессору Статскому Советнику и Кавалеру
Ивану Петровичу Шульгину

Дворянина Николая Алексеева сына Некрасова

Прошение

Желая слушать лекции профессоров Императорского Санкт-Петербургского Университета по I-му отделению философского факультета ²⁰, почтеннейше прошу Ваше Высочородие принять меня в число вольных слушателей оного Университета по означенному факультету.

К сему прошению дворянин Николай Алексеев сын Некрасов руку приложил. Документы же мои представлены мною при прошении о допущении меня к приемному экзамену 14 июля сего года.

4 сентября 1839 г.

Жительство имею: Рождественской части 6-го квартала в доме Трофимова.

На заявлении положена резолюция: «Допустить», и в разысканном мною «Альбуме вольнослушающих университетские лекции с 1. IX. 1839 г. по 1842 г.» (арх. № 16235) находим в алфавите следующие сведения:

Некрасов Николай

Время вступления:	Июля <?сентября> 1839 г.
Звание родителей:	<Пропуск!>
Уволен:	24 июля 1841 г.

За право слушания университетских лекций вольнослушатели, как и студенты, должны были с 1839 г. платить немалую по тем временам сумму — 100 р. асс. в год.

Таких денег у остро нуждавшегося Некрасова, конечно, не было.

Обычная версия гласит, что рассерженный неисполнением родительской воли Алексей Сергеевич Некрасов прекратил всякую помощь сыну и вообще прервал с ним всякие отношения. Находка одного важного документа университетского архива позволяет внести существенный корректив в этот рассказ.

Вольнослушатели освобождались от установленной платы в том случае, если могли, в установленном порядке, обосновать свое тяжелое материальное положение ²¹.

Очевидно, вскоре же после подачи ректору заявления о приеме в число вольнослушателей Некрасов обратился к отцу за такого рода документом и получил его. В делах университета нашелся документ (арх. № 6009, св. 612), в котором ярославский губернский предводитель дворянства А. Н. Глебов 27 сентября 1839 г. свидетельствовал о том, что А. С. Некрасов «затрудняется в доставлении содержания сыну своему Николаю» ²².

Привожу этот документ полностью, любопытный, между прочим, и как пример свидетельства о бедности, выданного помещику и владельцу 147 душ крепостных крестьян:

№ 556

Цена один рубль

Свидетельство

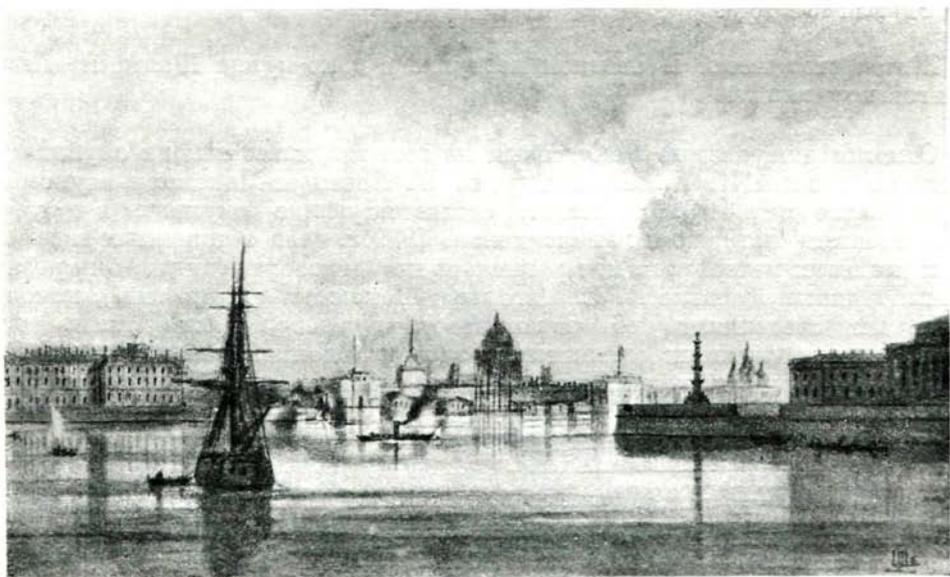
Дано сие от Ярославского Губернского предводителя дворянства, отставному майору Алексею Сергееву сыну Некрасову, вследствие прошения его в том, что он, г. Некрасов, имеет у себя пять человек

детей при недостаточном состоянии своем, заключающемся в 147-ми душах, обремененных казенными и партикулярными долгами, и сам, находясь в болезненном положении, затрудняется в доставлении содержания сыну своему Николаю, находящемуся ныне вольным слушателем в Санкт-Петербургском Университете, а равно и положенной за обучение платы каждогодно по сту рублей вносить не имеет возможности, в чем и удостоверяем за подписанием и с приложением герба моего печати.

Губернский город Ярославль, Сентября 27 дня 1839 года.

Губернский предводитель <А. Н.> Глебов.

У сего свидетельства Ярославского губернского предводителя гербовая печать.

ВИД НА НЕВУ

Акварель И. Шарлемань, 1855 г.

Музей истории и развития Ленинграда

Вероятно, свидетельство о бедности было университетом признано, и Некрасов был освобожден от платы за учение. Документальных доказательств этому, правда, не найдено, но не встречается таких доказательств и для других представлявшихся свидетельств о бедности. За академическую бездеятельность вольнослушателей не увольняли, лишь бы они аккуратно платили свои 100 р. в год. То, что Некрасов два года не сдавал переходных экзаменов, никого в университете не интересовало. Но если бы он не заплатил за право учения, он был бы уволен еще в 1839 г. Весьма сомнительно, чтобы Некрасов смог заплатить за себя, если бы его свидетельство о бедности не было признано заслуживающим внимания.

7

Год спустя, в 1840 г., Некрасов, в это время уже автор вышедшей, правда, анонимно, книжки стихов, решил еще раз держать вступительные экзамены, на этот раз по юридическому факультету, третьему по счету. Вот текст найденного мною заявления Некрасова (№ 909):

Его Высокоблагородию
Господину Проректору С.-Петербургского Университета
Игнатию Иакинфовичу Ивановскому

Николая Некрасова

Прошение

Желая вступить в число студентов Императорского С.-Петербургского Университета по юридическому факультету, прошу всепокорнейше Ваше Высокоблагородие допустить меня к приемным экзаменам. Принадлежащие мне документы были представлены мною в Правление Университета прошедшего года.

Николай Некрасов.

24 июля 1840 года.

Жительство имею: В Свечном переулке в доме купца Щапкина, близ Лиговского канала.

Отметки, полученные Некрасовым на этот раз, известны: их опубликовал, по данным И. А. Шляпкина, В. Е. Евгеньев-Максимов в упомянутой выше статье 1920 г. Значит, соответствующие документы в архиве университета были; но ни аналогичного 1839 г. дела о приемных экзаменах, ни иных материалов мне разыскать не удалось: очевидно, они утрачены. Привожу данные В. Е. Евгеньева-Максимова (Шляпкина), пополняя их сведениями об экзаминаторах, извлекаемыми мною из «Дела о распоряжениях, сделанных по случаю приемного экзамена молодых людей в число студентов Университета» (1840 г., арх. № 4413, св. 47):

Закон божий	3	(у А. И. Райковского)
Росс. словесность	5	(у А. В. Никитенко)
Логика	2	(у Н. Ф. Рождественского)
Греч. яз.	1 ¹ / ₂	(у И. Я. Соколова)
Лат. яз.	3	(у Э. Е. Шлиттера)
Нем. яз.	2	(у Ф. К. Свенка)
Франц. яз.	2	(у К. А. Сен-Жюльена)
География и статистика	1	(у В. С. Порошина)
История	2	(у М. М. Касторского)
Математика	1) (у А. А. Воскресенского)
Арифметика	2	
Геометрия	1	
Алгебра	0) (у В. А. Анкудовича)
Аналитика	0	

Таким образом, доведенные на этот раз до конца экзамены дали Некрасову в общей сложности 25¹/₂ баллов по 12 предметам, т. е. в среднем 2.1, что было недостаточно для поступления в число студентов.

Дальнейших попыток поступления в университет Некрасов не предпринимал и, повидимому, университет вскоре оставил. Едва ли соответствует действительности рассказ Николая Глушицкого о том, что причиной, из-за которой Некрасов оставил университет, был издевательский отзыв А. В. Никитенко на одной из его лекций о сборнике «Мечты и звуки»²³.

Вероятнее другое — чисто бытовое объяснение: для Некрасова, лишенного материальной поддержки отца, наступили тяжелые, полуголодные годы жизненной борьбы. «Учиться и зарабатывать хлеб трудно, — писал сам Некрасов, — и я бросил»²⁴.

Дальнейшее пребывание в числе вольнослушателей не сулило никаких перспектив молодому журналисту, увлеченному театральной и литера-

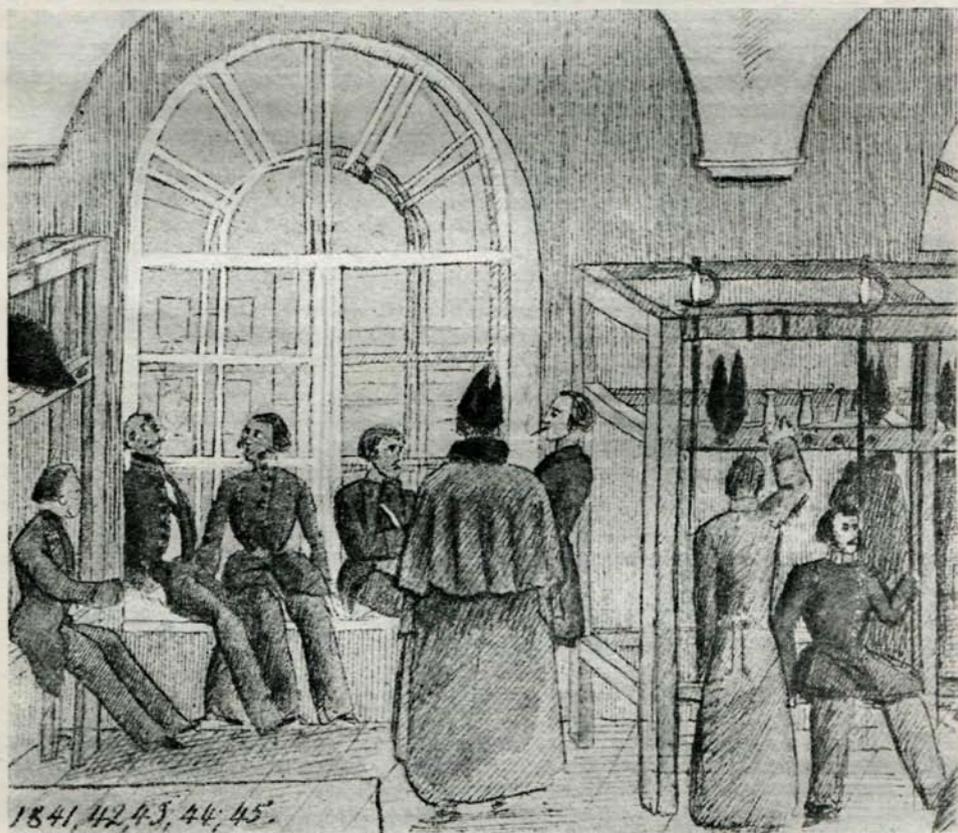
турной жизнью столицы, — к этому времени уже автору сборника стихов, ряда рассказов, очерков и шедших на сцене Александринского театра водевилей.

В упомянутом выше «Альбуме вольнослушающих...» против имени Некрасова есть пометка: «Уволен 24 июля 1841 г.», и внизу расписка: «Документы обратно получил. Некрасов». Но, вероятно, фактический уход намного предшествовал дате увольнения и получения документов: после неудачи экзаменов 1840 г. Некрасов вряд ли посещал университет.

8

Найденные документы позволяют уточнить некоторые важные моменты первых лет жизни Некрасова в Петербурге.

Первая попытка поступления в университет относится к июлю 1839 г. — через год по приезде в Петербург. Весьма вероятно, что первым делом Некрасова в Петербурге было устройство своего сборника стихов. Материальные затруднения несколько затянули это дело; цензурное разрешение цензора А. И. Фрейганга было дано 25 июля 1839 г., т. е. через год по приезде, как раз в те дни, когда Некрасов сдавал в первый раз вступительные экзамены²⁵.

СТУДЕНЧЕСКАЯ РАЗДЕВАЛЬНЯ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Зарисовка 1840 г. в «Альбоме А. Бобринского»

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Некрасов трижды пытался поступить в университет и получить систематическое и законченное образование: в первый раз — в июле 1839 г. на факультет восточных языков, в сентябре того же года — вольнослушателем I отделения философского (историко-филологического) факультета и в июле 1840 г. — на юридический факультет. Первая и третья попытки окончились неудачей: с грехом пополам оконченные в 1836 г. пять классов Ярославской гимназии были далеко недостаточным образовательным фундаментом, чтобы в 1839 г. никому неизвестному, не имевшему никаких связей бедному провинциалу удалось стать студентом столичного университета, предъявлявшего в то время к поступающим довольно строгие требования. Надежд стать «казеннокоштным» студентом, после двухкратных неудач, не было никаких.

Лишенный материальной помощи, 19-летний юноша начал бедствовать.

Я отроком покинул отчий дом
 (За славою я в столицу торопился).
 В шестнадцать лет я жил своим трудом,
 И, между тем, урывками учился...

— писал Некрасов, незадолго до смерти, в поэме «Мать».

24 июля 1841 г. Некрасов взял из канцелярии университета свои документы и в этот или на следующий день уехал в Грешнево на свадьбу своей сестры Елизаветы, но, вместо свадьбы, он попал на похороны матери, скончавшейся 29 июля. Некрасов уже не застал ее в живых: он приехал домой 1 августа.

По меткому выражению одного мемуариста, Некрасов вскоре перешел в другой университет — в «университет Виссариона Белинского», который ему удалось блестяще окончить.

Белинского Некрасов всю жизнь считал своим подлинным учителем:

Молясь твоей многострадальной тени,
 Учитель! перед именем твоим
 Позволь смиренно преклонить колени.

Связи с Петербургским университетом были на много лет прерваны²⁶; лишь в 60-х годах Некрасову пришлось принимать участие в помощи исключенным из Петербургского университета студентам.

Может быть, под влиянием воспоминаний о собственном трудном и неудавшемся студенчестве, Некрасов через четверть века ходатайствовал перед ректором университета Плетневым о стипендии бедному студенту и начинающему литератору Николаю Успенскому.

А в самом конце жизни, уже на смертном одре, Некрасов выслушал адрес 395 студентов университета, пришедших выразить ему свою любовь и уважение; растроганный Некрасов подарил им автограф стихотворения, которое должно было открыть сборник «В черные дни» (впоследствии «Последние песни»).

И гроб с телом Некрасова к кладбищу Новодевичьего монастыря, среди прочих, несли студенты того же Петербургского университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. Некрасов, Стихотворения, Посмертное издание, СПб., 1879, IV, стр. СЛЛ.

² В. Евгеньев <Максимов>, Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов, М., 1914, 87.

³ Таковы, в особенности, «Воспоминания» Ю. К. Арнольда, вып. II, М., 1892; вып. 3, М., 1893.

⁴ П. В., Материалы для биографии Некрасова. — «Мирской Толк» 1879, № 46, 430. Дворянский полк — в 1807—1855 гг. военно-учебное заведение для детей дворян; впоследствии Константиновский кадетский корпус.

⁵ В. Евгеньев <Максимов>, цит. соч., 61 сл. и публикация «Мирского Толка».

⁶ Эти неизвестные исследователям затерявшиеся строки из недошедшего до нас полностью письма Некрасова извлечены мною из статьи: Е. Б о б р о в, Б. И. Ордынский.—«Варшавские Университетские Известия» 1903, № 8, 3.— О временипровождении Некрасова в гимназические годы см. еще в воспоминаниях В. А. Панаева.—«Русская Старина» 1901, № 9, 492 и в известных воспоминаниях Авдотьи Панаевой (изд. 4, 1933, 554).

⁷ Н. Некрасов, Стихотворения, посмертное издание, СПб., 1879, I, стр. XXVII. Ср. Н. Г л у ш и ц к и й, По поводу биографии Н. А. Некрасова, помещенной в «Отечественных Записках».—«Петербургский Листок» 1878, № 107.— Так же, как у Скабичевского, излагал этот эпизод Некрасов Суворину в беседе с ним незадолго до смерти. См. «Новое Время» 1878, 20 марта, № 380.

⁸ А. Пыпин, Н. А. Некрасов, СПб., 1905, 245.— В рассказе Пыпина Чернышевский по пензурным причинам назван «одним современником, который близко знал Некрасова». Едва ли заслуживает доверия сообщение Валерьяна Панаева об отъезде Некрасова в Петербург для поступления в университет с согласия отца.—«Русская Старина» 1901, № 9, 492.

⁹ Дмитрий Иванович Успенский поступил в С.-Петербургскую духовную академию из Петрозаводской духовной семинарии; в академии учился на XII курсе в 1833—1837 гг. и окончил ее со степенью кандидата. По окончании академии Успенский был определен в семинарию при Петербургской духовной академии учителем финского и греческого языков в низшем отделении; спустя четыре года, в 1841 г., он был переведен (повидимому там же, в низшем отделении) на преподавание других предметов, а именно: катехизического учения, латинского языка и учения о богословских книгах; в феврале 1842 г. он уволился в светское звание в невысоком чине титулярного советника; повидимому, некоторое время, уже не будучи духовным лицом, он продолжал еще преподавать в семинарии, но в 1844 г., как сообщает историк академии А. Родосский, он «совсем уволился от учительских должностей и поступил на службу чиновником в штаб корпуса путей сообщения». О дальнейшей его судьбе сведений нет.

Никаких ученых трудов у Успенского нет; есть лишь указание на то, что он занимался составлением финского словаря, но в печати эта работа неизвестна (А. Надежди́н, История С.-Петербургской православной духовной семинарии, СПб., 1885, 40 и 320; А. Родосский, Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии. 1814—1869. СПб., 1907, 504).

Единственное, что дает хоть некоторое представление об Успенском,— упоминание о нем в воспоминаниях Д. И. Ростиславова, где он назван ловким и догадливым студентом («Вестник Европы» 1883, № 7, 143).

Несколько лет спустя Некрасов изобразил своего бывшего учителя в «Тросникове» под именем Григория Андреевича Огулова — «господина в темнозеленом фраке с белыми пуговицами, в шляпе без донышка и в грязных манжетах». Огулов двадцать пять лет прослужил учителем («в одном из петербургских духовных училищ — и, наконец, был отставлен за неумеренное пристрастие к вину». Некрасов дает и подробную характеристику литературных вкусов своего учителя, старовера, восхищавшегося Сумароковым, Петровым, Ломоносовым, Кантемиром и ругавшего «на чем свет стоит все новое» («Жизнь и похождения Тихона Тросникова», М.— Л., 1931, 117—118).

Некрасов прожил у Успенского (в темном чулане «подле столовой, за перегородкой») около полугода,— вероятно всего, с конца 1838 г. 15 декабря этого года Некрасов и Успенский были у Полевого («Исторический Вестник» 1888, № 3, 672—673). Об обстоятельствах ухода от Успенского см. в воспоминаниях В. Панаева («Русская Старина» 1901, № 9, 494).

¹⁰ Краткое сообщение о найденных материалах было мною сделано 16 апреля 1938 г. на заседании Некрасовской сессии филологического факультета Лен. Гос. Университета.

¹¹ Это заявление интересно еще в том отношении, что дает возможность подтвердить автобиографичность и даже документальную точность «Тросникова». Герой некрасовской повести накануне поступления в университет жил как раз «близ Малоохтенского перевоза» (назв. изд., 125).

¹² В. Евгеньев-Максимов, Биографический очерк.— В кн.: Н. А. Некрасов, Стихотворения, II, 1920, стр. XXII—XXIII.

¹³ Ср. Ф. Глинка, К биографии Некрасова.—«Исторический Вестник» 1891, № 2, 586.

¹⁴ Согласно правилам 1837 г., поступающий в университет должен был иметь знания в объеме гимназического курса, а средний экзаменационный балл не мог быть ниже 3 (по 5-балльной системе). При этом от поступающего на историко-филологический факультет требовалось иметь не ниже 3 по латинскому языку, закону божию и русской словесности. Вообще же можно было иметь не более двух единиц. См. В. Григорьев, Императорский С.-Петербургский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, 802.

¹⁵ В университетском уставе 1835 г. в § 91 сказано: «Все желающие вступить в число студентов Университета должны выдержать предварительные испытания по правилам, изданным Министерством народного просвещения. При сем принимаются в уважение

одобрительные свидетельства об окончании полного гимназического курса и дают право предстать прежде прочих на испытание и быть и вовсе освобожденным от оногo». — И. Соловьев, Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников, СПб., 1914, вып. I, 44.

¹⁶ В письме Некрасова к В. П. Гаевскому от 28 января 1873 г. упоминается о писателе Николае Ивановиче Глушицком, брате «репетитора». В делах Лит. фонда 1871—1873 гг. имеется ряд заявлений его с просьбами о помощи (Архив Лит. фонда в Институте литературы Академии Наук СССР).

¹⁷ Так же поступил и Тихон Тросников (назв. изд., 125).

¹⁸ В 1836—1840 гг. ректором университета был И. П. Шульгин. Научным сотрудником Ленинградского областного исторического архива Б. Павловым (скончавшимся в Ленинграде в дни блокады) был найден журнал заседания совета университета, состоявшегося 21 августа 1839 г. и обсудившего результаты приемных экзаменов. Плетнев на этом заседании не присутствовал, о Некрасове никаких разговоров не было, и он без всяких комментариев был внесен в список непринятых «по неокончанию или по неявке к испытаниям».

¹⁹ См. В. Григорьев, назв. соч., 298.

²⁰ I отделение философского факультета впоследствии было преобразовано в историко-филологический факультет.

²¹ См. В. Григорьев, назв. соч., 304.

²² Этот документ был найден в 1939 г. названным выше Б. Павловым и сообщен им редакции «Литературного Наследства».

²³ «Петербургский Листок» 1878, № 107. Ср. А. Скабичевский, назв. выше изд. Некрасова, I, стр. XXXVII—XXXVIII.

²⁴ В «Тихоне Тросникове» несколько иначе: герой выдержал экзамены и был «объявлен студентом», но не попал в число «казеннокоштных» (стр. 147, ср. стр. 145).

²⁵ Отсутствие средств на напечатание сильно задержало издание сборника. Разрешительная виза того же Фрейганга на выпуск книги в свет датирована 6 февраля 1840 г. (Экземпляр книги из библиотеки С.-Петербургского цензурного комитета; ныне в отделе редких книг библиотеки Лен. Гос. Университета).

²⁶ Рассказ о том, будто бы Некрасов присутствовал 10 мая 1855 г. на защите диссертации Чернышевского, не соответствует действительности, так как в это время Некрасова не было в Петербурге. (См. Н. Ашукин, «Летопись...», 138).